

ЯЗЫК СИМВОЛОВ В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 1 марта 2017 г.

Аннотация: в статье признается бесперспективным узкосоциологический подход к роману М. А. Шолохова «Поднятая целина» и раскрываются его духовно-нравственные смысловые доминанты. Писатель передает трагический дух эпохи 30-ых годов через особенности символики, которая восходит к библейской образности.

Ключевые слова: коллективизация, конфликт, символика, мотив, сюжет, библейский контекст, пейзаж.

Abstract: the paper accepts the restricted sociological approach to the novel "Virgin Soil Upturned" by M. A. Sholokhov being dead-end and reveals its spiritual and moral conceptual dominants. The writer conveys the tragic spirit of the 30s by means of symbolism originated in the Bible.

Keywords: collectivization, conflict, symbolism, motif, plot, biblical context, scenery.

Роман М. А. Шолохова «Поднятая целина» вот уже несколько десятилетий, как исключен из школьной программы по литературе. Но справедливо ли? На заре перестройки появился ряд публикаций, в которых развенчивалось это талантливейшее и правдивейшее произведение о коллективизации. Остановимся на некоторых из них, показательных для постсоветской эпохи. В 1988 году в журнале «Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР» публикуется статья Г. М. Ребель «Предостережение (опыт прочтения романа «Поднятая целина»)». В ней в соответствии с духом времени в очередной раз бичевался и проклинался Сталин и его политика в деревне, которая определялась как безусловное зло для нашей страны. Автор статьи, которая, заметим, любит творчество Шолохова, предложила новый подход в трактовке конфликта и сюжетно-композиционной структуры «Поднятой целины». По ее мнению, линия Давыдов — Половцев выражает только внешнюю сторону содержания романа, его фабулу. А основной сюжет спрятан внутри позиций тех членов партии, которые затеяли и проводили переворот в деревне. В чем же не согласен, например, Макар Нагульнов со Сталиным? Г. М. Ребель констатирует: «Может быть, ошибок своих несомненных признавать не хочет? Да нет, с этим у него все в порядке: «Я согласен с тем, что влево загибал с курями и с прочей живностью...» Неприятие, протест Нагульнова вызваны совсем другим, действительно очень серьезным поводом. Ошибки, допущенные местными руководителями по неведению, неопытности, от излишнего рвения, а большей частью — из-за по-

рочности самих установок, в статье Сталина квалифицируются как действия, ведущие «к усилению наших врагов, а авторы этих искривлений», оказывается, «льют воду на мельницу правого оппортунизма». Не справедливая критика, а эта еще только нарождающаяся, но вскоре приобретающая зловещие масштабы тенденция навешивания ярлыков и поиска козлов отпущения и вызывает справедливое негодование Нагульнова» [1].

Так выглядит ситуация с коллективизацией на Дону в статье украинской исследовательницы. Но так ли это было на самом деле? Письма М. А. Шолохова к Сталину говорят об обратном. Именно местные партийные чиновники, горящие желанием отомстить казакам за их упорное сопротивление «расказачиванию» в годы гражданской войны, устроили из коллективизации настоящую бойню, которая превзошла жестокость и «перегибы» красноармейцев эпохи военного коммунизма. Убийства, изощренные пытки, издевательства, которые в конце концов привели к массовому голоду на тихом Дону, грозили навсегда уничтожить этот край русской воинской славы. И если бы не вмешательство Сталина, на которое его подвигли письма автора «Тихого Дона», не было бы сейчас той колыбели казачества, на основе которой стало возможным его современное возрождение. Голодомор, о котором так любят говорить на Украине, был не менее свирепым и кровавым в самом сердце России. Сталин выделил зерно голодающим на Дону, но зададимся вопросом: а почему коллективизация крестьянских и казачьих хозяйств должна была вестись «ударными» темпами? Потому что Сталин и его приспешники были просто некомпетентными людьми, фанатиками марксистско-ленинской идеологии? И этот тезис опровергнут вре-

менем: доказано, что у большевиков во главе со Сталиным просто не было другого выхода. Их загнал в тупик Запад, который потребовал от Советского Союза очень дорогую плату за станки и новейшие производственные технологии: не золото, а зерно, которое взять у единоличников было невозможно, а у колхозов — гораздо проще. И если бы не было ускоренной коллективизации, то не было бы у нас и промышленного прорыва, а стало быть, и Победы в Великой Отечественной войне. Таким образом, русское казачество и крестьянство в очередной раз принесли **кровавую жертву** на алтарь Отечества, но виноват в этом далеко не только один Сталин. М. А. Шолохов понимал это, позже он скажет: «Был культ, но была и личность». Современный контекст понимания романа «Поднятая целина» позволяет прояснить очень важные моменты в нашей истории, избавиться от многочисленных клише, которые формируют клиповое сознание молодого поколения начиная со школьной скамьи. Современные студенты и школьники, «благодаря» исчезновению «Поднятой целины» из программы, совершенно лишены подлинного понимания того, что происходило в стране в 30-е годы XX века.

Но и сам роман, конечно же, нуждается в новом прочтении, причем не только с точки зрения исторической правды. М. А. Шолохов не был бы великим художником, если бы создал свой роман исключительно на злобу и потребу дня. В «Поднятой целине» заложены вечные символы и смыслы, которые ждут своей адекватной интерпретации. Разумеется, на этом пути было сделано немало попыток, в том числе и в советском шолоховедении. Однако этот накопленный багаж, обладающий несомненным научным потенциалом, в наше время практически не востребован, поскольку само произведение М. А. Шолохова, по мнению либеральных идеологов, подлежит забвению. Всё не так просто, ведь даже в исследовании известного ученого мы читаем следующее:

«Здесь уже соцреализм предстает во всей канонической чистоте... Партия (хуторская ячейка) руководит строительством светлого будущего, классовые враги, как и положено, препятствуют, но новое в трудной борьбе побеждает, пусть и дорогой ценой, растет социалистическое самосознание трудящихся масс... и так далее. Все описано с такой правдоподобной естественностью, что трудно догадаться о лжи, положенной в самую основу всех событий.

Ложь уже в том, что трагедия коллективизации преподносится как исторический прогресс, как борьба за народное счастье. Или: нет у автора и тени сомнения, что рабочий-двадцатипятилетний Давыдов и впрямь может лучше организовать сельскохозяйственное производство, чем те мужики, которые выросли на земле: у него же классовое передовое сознание... Так ведь больше ничего. А для земли этого недостаточно» [2].

Однако в среде видных православных деятелей рубежа XX–XXI веков нашлись чуткие души, которые разглядели христианский смысл и в образах коммунистов на страницах романа М. А. Шолохова. О. Дмитрий Дудко, протоиерей и член Союза писателей России, написал следующее: «Я для себя открыл Шолохова, то есть я давно его знал и любил, не верил тому, как клеветали на него, но теперь отчетливо увидел, какой это большой писатель, более того, писатель религиозный.

Я решил все перечитать у Шолохова, начал с «Поднятой целины», и на этом произведении я все увидел. Больше всего нападали на это, и именно это произведение показывает, что Шолохов — религиозный писатель...

...Шолохова нельзя обвинять в предвзятости, в нелюбви. У коммунистов он находит человеческие чувства, у белогвардейцев тоже и заставляет читателя пожалеть тех и других, заносится меч, и тут же дети останавливают этот меч.

О Шолохове надо писать все заново, мы его не понимали. Меня особенно поразило, с какой широтой и любовью он дает потрясающие картины, все люди у него живые, не надуманные, по его произведениям можно судить, что происходит в мире, и еще настаиваю на том, что по его произведениям можно судить о религиозной линии, проходящей в наших сердцах» [3].

Первоначальное название романа М. А. Шолохова было: «С потом и кровью», оно изменилось не по воле автора. Образ кровавого пота как символа предельного напряжения человеческих сил восходит к Евангелию, к сюжету «моления о чаше». Накануне распятия Сын Божий молился Отцу: «Отче! О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22, 42). И со лба Его падал на землю пот, смешанный с кровью. Именно Евангелие, уникальный пример Иисуса Христа, добровольно идущего на жертвенную смерть ради искупления человечества, являет нам пример истинной свободы выбора между Добром и злом. Смерть на кресте, когда невинная кровь Богочеловека омыла грехи всего мира, призывает христиан к той свободе, которая сливается с волей Творца и дает высшую духовную радость служения ближним. Именно этот образ должен был прикровенно освещать весь роман о коллективизации, которая явилась следствием и продолжением революции.

Идея жертвы, которую приносит казачество на алтарь государства, является сквозной в «Поднятой целине». Она реализуется на разных уровнях: мотивов, диалогов, символов, сюжетных ходов, деталей и др. Если в «Тихом Доне» дед Гришака искал ответы на вечные вопросы в Библии, то в «Поднятой целине» такой знаковой книгой становится «Камо грядеши» Г. Сенкевича, которую постоянно читает бывший белый офицер Лятевский (образ, недо-

статочно оцененный критикой). Лятевский — в какой-то степени продолжение образа Листницкого из «Тихого Дона», оба они — дворяне и борцы за идею и собственные привилегии. Это, однако, не отменяет того факта, что герои предельно искренне и трезво оценивают свои шансы на успех возвращения к прошлому. Судьба Листницкого трагична, он кончает самоубийством (тоже свобода без креста!), но именно ему принадлежит точная и ёмкая характеристика большевиков: «...это хуже холерных бактерий! Хуже в том отношении, что легче прилипает к человеку и внедряется в самые толщи солдатских масс. Я говорю про идею... Среди большевиков есть, несомненно, талантливые люди... есть просто фанатики, но преобладающее большинство — разнузданные, безнравственные субъекты. Тех не интересует сущность большевистского учения, а лишь возможность пограбить, уйти с фронта, они хотят прежде всего захватить власть в свои руки, на любых условиях кончить, как они выражаются, «империалистическую» войну, хотя бы даже путем сепаратного мира, — земли передать крестьянам, фабрики — рабочим. Разумеется, это столь же утопично, сколь и глупо, но подобным примитивом достигается расположение солдат» [4].

В романе «Поднятая целина» автор «дает» в руки Лятевского роман Г. Сенкевича, где изображается эпоха первых христианских мучеников. В этом романе показывается и то семя, которое произрастает из крови погибших за Христа. Под влиянием их жертвенного стояния до смерти за Истину языческий мир начинает постепенно меняться. Эта надежда на Преображение присутствует и в романе М. А. Шолохова. Если рассматривать «Поднятую целину» в контексте писем М. А. Шолохова к Сталину, то мы без труда обнаружим сходство «методов» коллективизации с теми изуверскими пытками, которые представлены в романе Г. Сенкевича. Сами колхозники свидетельствовали, что в коллективизацию родная советская власть разорила их хуже, чем белые в гражданскую войну. Однако никакого восстания, которого так чаял Половцев, не последовало. К 1930 году народ уже сделал выводы и извлек уроки из междоусобицы. Казаки так объяснили это Половцеву: «Прошедший раз слухали мы вас, как вы нам золотые горы сулили, и диву давались: уж дуже ваши посулы чижолые! Вы говорили, что, мол, союзники нам — на случай восстания — в один момент оружию примчат и всю военную справу. Наше, мол, дело только постреливать коммунистов. А посля раздумались мы, и что же оно получается? Оружиюто они привезут, это добро дешевое, но, гляди, они и сами на нашу землю слезут? А слезут, так потом с ними и не раскобекаешься! Как бы тоже не пришлось их железякой с русской землицы спихивать. Коммунисты — они нашего рода, сказать, свои природные, а энти, черт-те по-каковски гутарют, ходют

гордые все, а середь зимы снегу не выпросишь, и попадешься им, так уж милости не жди!.. Мы этих союзников раскусили и поотведали! Нет уж, мы тут со своей властью как-нибудь сами помиримся, а сор из куреня нечего таскать...» [5].

Конфликт белых и красных продолжает развиваться и в «Поднятой целине», однако взгляд на него, представленный в позиции Григория: «Ни те, ни эти не по совести», — получает существенную корректировку. Казаки отказываются восставать потому, что русская кровь льется в междоусобице напрасно. И ярчайшим подтверждением этого служит убийство Половцевым семьи Хопровых задолго до всяких восстаний и переворотов. Никита Хопров отказывается принимать участие в «Союзе освобождения Дона», решает покаяться перед властью за прошлые грехи, но именно этого ему не прощают бывшие белогвардейцы. На алтарь их неправого дела приносятся невинные жертвы, например, жена Хопрова, которая приходится **кумой** Якову Лукичу, просит о пощаде, и Островнов жалеет ее, да и у Половцева «ворохнется» мысль: «Завтра же выдаст! Но она — женщина, казачка, мне, офицеру, стыдно...» [5, 98]. Однако он убивает ее со зверской жестокостью ради «идеи». Похожий эпизод есть и в «Тихом Доне», когда Михаил Кошевой убивает кума Петра Мелехова, а Дарья стреляет из винтовки в своего кума Котлярова. Попраны не только кровно-родственные связи, но и духовные, установленные Церковью. Так М. А. Шолохов настойчиво подчеркивает, что кровавые жертвы приносятся бесам революции, о которых писал еще Ф. М. Достоевский. В романе «Поднятая целина» Лятевский открыто и цинично говорит об этом Островнову:

«А зачем ты, дура этакая стоеросовая, связался с нами? Ну, спрашивается, зачем? За каким чертом? Половцеву и мне некуда деваться, мы идем на смерть... Да, на смерть! Или мы победим, хотя, знаешь ли, хамлет, шансов на победу прискорбно мало... Одна сотая процента, не больше! Но уж мы таковы, нам терять нечего, кроме цепей, как говорят коммунисты. А вот ты? Ты, по-моему, просто **жертва вечерняя**. Жить бы тебе да жить, дураку...» [6, 176].

Из приведенного отрывка создается впечатление, что М. А. Шолохов, вероятно, был знаком с романом И. А. Родионова «Жертвы вечерние», где известный до революции писатель, изображая гражданскую войну, называет молодых белогвардейцев цветом нации, которые усеяли своими благородными костями донские степи. Яков Лукич Островнов — один из главных героев романа М. А. Шолохова — тоже жертва: он талантливый хозяин, любящий землю и понимающий ее сокровенную жизнь. Однако он вынужден разрываться между колхозом и Половцевым, что создает определенный драматический накал в этой судьбе. Само понятие «жертвы вечерней» содержится в 140-м псалме: «Да испра-

вится молитва моя яко кадило пред Тобою: воздеяние руку мою, жертва вечерняя» (Пс. 140, 2). Блаженный Феодорит трактует это поэтическое высказывание следующим образом: «С молитвою соединил Пророк упражнение в добродетели. Ибо сие означает **воздеяние рук**; потому что руки даны нам на делание. Пророк умоляет, чтобы молитва вознеслась, подобно курению фимиама, и была также благоуханна, а равно и распростертие рук уподобляется жертве вечерней. Упомянул же о жертве вечерней, а не утренней, потому что находился в бедствиях и скорбях, а бедствие подобно тьме и ночи» [7, 659].

Таким образом, языческая тьма, которая накрыла Россию после революции, коррелирует в сознании Лягьевского не только с Библией, но и с романом Г. Сенкевича, где в кровавой схватке сходятся новое и старое понимание блага и спасения человека. Что же может остановить «красное колесо», жертвами которого становятся не только участники «Союза освобождения Дона», но и сами коммунисты — Давыдов и Нагульнов? В романе «Поднятая целина» М. А. Шолоховым дается свой символ трагической истории России в XX веке. В известном фрагменте XIX главы первой книги противопоставлены революционная Москва и казачий хутор Гремячий Лог. Язык символов позволяет уловить тончайшее кружево философско-религиозной мысли автора, которая выводит его произведение в русло широких общенациональных обобщений:

«Отделенная от Гремячего Лога полутора тысячами километров, живет и ночью, закованная в камень, Москва: тягуче-призывно режут паровозные гудки, переборами огромной гармонии звучат автомобильные сирены, **лязгают, визжат, скрегоочут** трамваи. А за Ленинским Мавзолеем, за Кремлевской стеной, на вышнем холодном ветру, в озаренном небе трепещет и свивается полотнище красного флага. Освещенное снизу белым накалом электрического света, оно кипуче горит, струится, **как льющаяся алая кровь**. Коловертью кружит вышний ветер, поворачивает на минуту **тяжко обвисяющий** флаг, и он снова взвивается, устремляясь концом то на запад, то на восток, пылает багровым полымем востаний, зовет на борьбу...» [5, 138].

Образ столицы нового советского государства, где становится «ненужным» свет месяца и звезд, где звуки городского пейзажа явственно передают «победный» скрежет железа, венчает главный символ победы революции — красный флаг, который струится на ветру, как «льющаяся алая кровь». Трудно выразить яснее авторскую позицию. И здесь же рядом — совсем иной образ бесконечно дорогой М. А. Шолохову родной Донщины, выдержанный в контрастной стилистике:

«В Гремячем же Логу ночью стынет **тишина**. Искрятся пустынные окрестные бугры, осыпанные

лебяжьим пухом молодого снега... Почти касается горизонта дышло Большой Медведицы. Черной свечой тянется к тягостно высокому черному небу раина, растущая возле сельсовета. Звенит, колдовски бормочет **родниковая струя**, стекая в речку. В текущей речной воде ты увидишь, как падают отсветившие миру звезды. Вслушайся в мнимое безмолвие ночи, и ты услышишь, друг, как заяц на кормежке гложет, скоблит ветку своими желтыми от древесного сока зубами. Под месяцем неярко светится на стволе вишни янтарный натек замерзшего клея. Сорви его и посмотри: комочек клея, будто вызревшая нетронутая слива, покрыт нежнейшим дымчатым налетом. Изредка упадет с ветки ледяная корочка — ночь укутает хрустальный звяк тишиной. Мертвенно-недвижны отростки вишневых веток с рубчатými серыми сережками на них; зовут их ребятишки «кукушкиными слезами»...

Тишина...» [5, 138–139].

В двух образах-символах Москвы и Дона представлены мир Божий и мир искусственный, но тем не менее претендующий на первенство и лидерство. Автор — на стороне сокровенно звучащих природных голосов, в донском пейзаже поет его душа, он поднимается до лирического пафоса, до прямого обращения к читателю, с которым вступает в открытый диалог, называя его «другом». В романе сакрализуется образ тишины как Богом данного дара вслушивания человека в самого себя. Образ тишины и созерцания вечной красоты Божьего мира противопоставлен гремящему коловертью борьбы новому социалистическому «раю». Эта идея реализуется на разных художественных уровнях романа. В частности, в развитии классического любовного треугольника: Разметнов — Марина Пояркова — Демид Молчун. Критика практически не рассматривала те смыслы, которые заложены в их отношениях. А ведь из тройки коммунистов, проводивших коллективизацию в Гремячем Логу, в живых остается только Андрей Разметнов, что совершенно оправданно. Его фигура венчает роман, следовательно, М. А. Шолохов придавал герою особо важное значение. «Любушка» Андрея — Марина Пояркова, казачка-богатырь, наделена автором не только недюжинной физической силой. Она показывает казакам пример истинной свободы выбора: «Последней в Гремячем Логу вышла из колхоза милушка Андрея Разметнова — Марина Пояркова... Что-то не клеилась у них совместная жизнь. Марина потянулась к Богу, стала богомольной, говела весь великий пост, на третьей неделе ходила каждодневно молиться в тубянскую церковь, исповедалась и причастилась. Она смиренно и молчаливо встречала упреки Андрея, на его ругню не отвечала, все больше помалкивала, не хотела «осквернять причастие». Андрей, придя как-то поздно ночью, увидел, что в горенке горит лампадка» [5, 233]. Андрей разрывает с Мари-

ной, но она находит в себе силы побороть страсть к нему и выходит замуж за Демида Молчуна, который и получил свое прозвище за то, что всегда удерживал свой язык (а это считается в христианстве добродетелью). После революционных речей и поступков Разметнова брак с Демидом, наконец, принес Марине счастье. Вот как об этом пишет М. А. Шолохов:

«А Марина, как назло, все чаще попадалась Андрею на глаза и по виду была довольна, счастлива.

Демид Молчун ворочал в ее крохотном хозяйстве, как добрый бык: в несколько дней он привел в порядок все надворные постройки, за сутки вырыл полуторасаженной глубины погреб, на себе носил десятипудовые стояны и сохи... Марина обстирала, обшила его, починила бельишко, соседкам нахвалиться не могла работоспособностью Демида.

— То-то, бабочки, он мне в хозяйстве гожий. Сила у него медвежина. За что ни возьмется — кипит у него в руках. А что молчаливый, так уж Бог с ним... Меньше ругани промеж нас будет...» [5, 324]. Это и есть христианское отношение к браку, которое проявляет героиня М. А. Шолохова, изображенная автором с большой симпатией. Мотив тишины, молчания как вслушивания в самого себя начинает сопровождать Андрея Разметнова в финале произведения, когда он приходит на кладбище проведать свою покойную венчанную жену Евдокию. Именно кладбищенский умиротворяющий пейзаж завершает рассказ о коллективизации в романе. Как всегда, финал у М. А. Шолохова символичен и многозначен. Коммунист Разметнов обнаруживает веру в загробную жизнь, бессмертие, он разговаривает со своей женой, как с живой:

«Не по-доброму, не в аккурате соблюдаю твое последнее жилье, Евдокия... А ведь я доньше люблю тебя, моя незабудная, одна на всю мою жизнь... Видишь, все некогда... Редко видимся... если сможешь — прости меня за все лихо... За все, чем обидел тебя, мертвую...»

Он долго стоял с непокрытой головой, словно прислушивался и ждал ответа, стоял не шевелясь, по-стариковски горбясь. Дул в лицо ему теплый ветер, накрапывал теплый дождь» [6, 385].

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

У Андрея есть за что просить прощение у покойной. В гражданскую войну белые казаки надругались над Евдокией, потому что ее муж воевал на стороне красных. Она не выдержала позора и повесилась. И только спустя много лет герой, наконец, осознает свою вину перед ней и просит простить. Знаменательно, что этот герой — именно Разметнов, который когда-то пожалел казачьих ребятишек, не стал мстить своему врагу и не захотел по этой же причине раскулачивать однохуторян. Ему принадлежит будущее, но оно — не в коловерти восстаний и непрерывной классовой борьбы, а в той священной кладбищенской тишине, которую обещает в романе говорящая деталь пейзажа — «последняя в этом году гроза» [6, 386].

Финалы двух великих романов М. А. Шолохова перекликаются между собой главной христианской идеей — возможностью и желанием покаяния за совершенные грехи. И Григорий Мелехов, и Андрей Разметнов находятся на пороге новой истинно свободной жизни, которая определяется духовной природой человека, созданного Творцом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ребель Г. М. Предостережение (Опыт прочтения романа «Поднятая целина») / Г. М. Ребель // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. — Киев, 1988. — № 11. — С. 61.
2. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 т. Т. VI / М. М. Дунаев. — М.: Христианская литература, 2000. — С. 149-150.
3. Дудко Д., протоиерей. О Шолохове / Протоиерей Д. Дудко // М. А. Шолохов и Православие. Сб. статей. — М., 2013. — С. 28.
4. Шолохов М. А. Тихий Дон: В 4 книгах. Кн. IV / М. А. Шолохов. — М.: Художественная литература, 1962. — С. 76.
5. Шолохов М. А. Поднятая целина: В 2 книгах. Кн. I / М. А. Шолохов. — М.: Советская Россия, 1960. — С. 214.
6. Шолохов М. А. Поднятая целина: В 2 книгах. Кн. II / М. А. Шолохов. — М.: Советская Россия, 1960. — С. 176.
7. Феодорит епископ Кирский. Псалтирь с объяснениями значения каждого стиха / Блаженный Феодорит, епископ Кирский. — М., 1997. — С. 659.

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Styuflyayeva N. V. Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru